

Концепт «служения» в нравственной культуре России*

*Бондаренко Л. И.,
Овчинникова Е. А.*

Концепт служения в истории нравственности зародился в контексте воинского этоса. В истории человечества не было обществ, где бы отсутствовало воинское сословие, поэтому не случайно воинский этос получил самое широкое распространение в общественном сознании. М. Оссовская в известном исследовании «Рыцарь и буржуа» (М., 1987) убедительно показывает, что сложившиеся еще в эпоху архаики воинские ценности повлияли на содержание норм нравственности многих социальных групп и расширили набор структурных элементов нравственной саморегуляции. Существенной чертой этой системы морали была идея важности воинского служения и великой миссии самого сословия. При переходе к ранним формам государственности многие народы мира прошли через «военную демократию», когда вооруженная сила становилась властью, и в этом процессе военное сословие повышало в общественном сознании свой социальный статус. Так сложилось представление об избранности воинства как социальной группы. В силу того, что войны довольно редко объяснялись политическими и экономическими мотивами, они чаще всего описывались как «священные» и расценивались как нравственное дело. В победах мнилась воля богов, отсюда войны — правое дело. В этом процессе, когда война становилась благородным занятием избранных людей, высших в нравственном и социальном смысле, воинское сословие превращалось в один из наиболее влиятельных субъектов морали.

Сложившийся в воинском этосе концепт служения эволюционировал, вбирая в себя многообразные смыслы: пафос самопожертвования, способность отречься от своих интересов во имя высших целей; возложение на себя дополнительных, трудновыполнимых обязанностей: чаще всего — служения высшему духовному началу — великой идее, Богу или народу и т. д. Служение включало в себя и стремление покровительствовать низшим: защищать, просвещать, вести за собой, спасать.

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ (Проект № 12-03-00505).

Служба трактовалась как привилегия, почетная обязанность, которую присваивают себе свободные, «благородные» люди, возвышаясь за счет нее над другими, всеми прочими. Эти смыслы консервируются. Мораль служения чаще всего держится на отсылке в прошлое, к великим «предкам», что дает человеку представление о собственной избранности.

Важен вопрос об инструментах трансляции концепта служения из воинского этоса в религиозную практику и сферу труда.

В традиционном социуме человек удовлетворял большинство своих потребностей сам. В крестьянском хозяйстве не было узкой специализации. Развитие мануфактуры привело к тому, что труд разделился на операции, в результате появились профессионалы. Работа стала профессией. Профессиональный труд — принципиально другой вид деятельности. Его важнейшая черта — ориентация на другого человека, потребителя. Появляется не просто новый тип экономических отношений, но поле для переноса добродетели служения из воинского этоса и религиозной практики в сферу труда. Как известно, важнейшим этапом в трансформации трудовых отношений стало развитие капитализма. Классический текст М. Вебера «Протестантская этика» описывает изменение мотивации в сфере труда. В контексте протестантской идеологии труд стал рассматриваться как разновидность служения; традиционное противопоставление «высокого служения» обыденным занятиям снимается, и земной труд приобретает глубокий нравственный смысл. Если труд является общим достоянием, то служение определенные социальные слои приписали себе, сделали своим достоянием.

Важные смысловые коннотации в концепт служения внесло развитие нравственности в викторианской Англии. Здесь сформировался нравственный образец джентльмена: в нем совместились трудолюбие и служение. Буржуазные общественные отношения делали многообразные формы труда источником благополучия человека. Поэтому труд в этом обществе становится обязательным. Так, презрение к труду, характерное для рыцарства, уходит из нравственной культуры общества.

Формируются две модели отношения к труду и к профессии. В буржуазной среде — культ профессионализма, среди джентльменов — особого рода дилетантизм. Из среды джентльменов вышла целая плеяда дилетантов, чьи достижения в науке, искусстве, политике стали возможны благодаря широте кругозора и универсальному образованию. Джентльмены закрепили в английском обществе высокий престиж духовного труда. Они являют собой идеал сво-

бодного труда, деятельности с целью выражения своего «я», бескорыстного служения обществу. Поскольку положение джентльмена в обществе обеспечивалось либо высоким происхождением, либо материальной независимостью, он получал возможность смотреть на вещи с государственной точки зрения и учитывать общественные интересы. Так складывалось представление о политике как форме общественного служения, имеющего смысл морального достижения. В викторианской традиции политика представлялась выражением духа нации, а выбор политической деятельности в качестве жизненной цели — высоконравственным выбором. Идеалы джентльменского поведения органично вошли в концепт служения.

В процессе эволюции концепта служения выделяются ценностно-рациональная мотивация деятельности, противостоящая целлерациональному поведению. Последнее позволяло четко моделировать цели, задачи, жизненные перспективы личности, т. е. было нацелено на прагматическое поведение, в то время как ценностно-рациональная мотивация не давала конкретных параметров, а наделялась превосходными оценочными степенями торжества гуманизма, справедливости и служения. Это формировало особый тип моральных установок — «мобилизационное сознание» — готовность к служению.

Такого же рода модель реализовалась в нравственном сознании России, начиная с петровских преобразований. Россия этого периода включается в динамичный процесс модернизации социальных отношений, перенимая европейский опыт. Начало XVIII в. в истории России было ознаменовано реформами и преобразованиями Петра I, затрагивавшими все сферы общественной жизни. Для реализации этих проектов необходимо было сформировать особое сословие государственных людей — «строителей империи» (по выражению Г. П. Федотова). В этот период в России возобладали крайне утилитарный государственный взгляд на службу. Вся система образования была подчинена государственной задаче и была нацелена на выучку какому-то конкретному занятию, годному в узкопрактическом, прагматически-утилитарном отношении. Одной из главных целей и задач образования представлялось овладение профессиональными навыками, приготовлением к определенным занятиям, прежде всего государственной службе (военной и гражданской), которая в петровскую эпоху понималась как профессиональная деятельность. Нравственное развитие индивида и общества в разряд задач государственных не входило. В реформаторской деятельности правительство заботилось об основании и поддержании преимуще-

ственно специальных школ, а само школьное образование понималось как выучка определенному занятию, овладение ремеслом, профессией. Это приводило даже к определенному пренебрежению общим образованием.

Петр желал видеть плоды образования немедленно, в исключительно ремесленной, профессиональной форме. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание дореволюционные исследователи. Так, один из дореволюционных исследователей дает общую характеристику образовательных задач в петровскую эпоху: «Проблеск сознания о том, что государство должно заботиться о народном образовании, независимо от непосредственного приложения его к государственной службе, проблеск, отмеченный нами в конце XVII в., погас. Крайнее развитие полицейского характера государства, характеризующее новый век, когда государство становится источником и целью всякой человеческой деятельности, вовсе не благоприятствовало развитию и укреплению высказанного принципа. Государство не призвано служить интересам личности человека, а вся личность, со всею совокупностью моральных сил, есть покорный слуга государства. Уже с самого первого года XVIII века русское законодательство начинает высказывать, что оно не признает никакой другой цели в образовании, кроме значения его пригодности для той или другой профессии... Государство заботится о том, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялись наилучшим образом. Все, что мы называем узаконениями об образовании, в точном смысле составляет узаконения о государственной службе. Понятия службы и образования смешиваются». Поэтому на первый план выступает не образование в собственном смысле этого слова, а некая «выучка», цель образования воспринимается как исключительно внешняя — «добывание хлеба и выслуга». «То, что может указать человеку в его профессии высшую общечеловеческую цель, повести его при исполнении профессии далее “добычи”, дается не профессиональным образованием, а общим»¹. При утилитарном взгляде на профессиональную деятельность реализовывалась модель целерационального поведения, в контексте которого от человека требовалось не служение, а служба.

Со второй половины XVIII в. русском обществе происходит коренной поворот к иному пониманию службы, смещение акцента в сторону служения.

¹ Владимирский-Буданов М. Государство и народное образование в России в XVIII веке. Ярославль, 1874. С. 155, 157–158.

В теориях русских просветителей развивается идея нравственного совершенствования как личности, так и социума. Сам термин «просвещение» употребляется мыслителями для обозначения гражданских добродетелей, и в этом контексте общественное воспитание приобретает политические и моральные цели — разъясняет обязанности человека по отношению к обществу и «научает средствам служить обществу». Истинное просвещение заключается в познании человеком своего назначения, осознании цели «общественности», морального предназначения, своей связи с общественным целым, пониманием общественного блага. Целью просвещения является формирование особого типа нравственно совершенной личности, обладающей государственным видением проблем, способной к деятельности на общее благо, переустройству мира на основаниях истины, добра, справедливости. Таким образом, происходит переход от целерациональной мотивации деятельности к ценностно-рациональным обоснованиям. В общественном сознании возрастает ценность, значимость государственной службы, общепользней деятельности, которая начала интерпретироваться как служение.

Идеал русских просветителей — нравственно совершенная свободная личность. «Учение, — писал первый директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский, — должно обратить свое старание к тому, чтобы возбудить дух общественный, сблизить чем всех соотечественников и дать им достойное и полезное упражнение»¹. Результатом образования должна быть государственно мыслящая, ответственная, всесторонне развитая личность. Критерием оценки деятельности человека выступают польза человечества, правосудие, человеколюбие. Единственным мерилom человека должна быть его высокая нравственность, гражданские качества. Быть нравственным в системе просветительских ценностей означало также быть свободным. Свобода — необходимое условие нравственного совершенствования личности, основание достоинства и чести. Свобода выступает как возможность гражданского выбора: несвободный человек — это человек службы, а свободный — служения.

Главная цель просветительского образовательного проекта, реализованного в начале XIX в., — формирование особого нравственного типа личности, руководствующейся в своем поведении идеями общего блага, государственного деятеля, призванного служить своему отечеству, осуществлять государственные реформы,

¹ Малиновский В. Ф. Избранные социально-политические сочинения. М., 1958. С. 110.

владеющего государственным видением проблем. Эпоха русского Просвещения сформировала особый тип личности, востребованный в обновляющейся социально-политической ситуации — дворянско-революционера, реформатора, стремившегося как в теории, так и в своем поведении на службе, в политической деятельности реализовывать нравственные идеалы и ценности служения.

Многие будущие декабристы оставляют сулившее им успех и карьере военное поприще и избирают государственную службу. Так, в одной из заповедей Устава первого тайного общества «Союз Благоденствия» от членов общества требовалось изыскивать всевозможные средства положительного служения обществу. Особое внимание в Уставе Союза Благоденствия обращалось на сферу правосудия, которая более других нуждалась в реформировании. Пребывая на юридических должностях, члены общества должны были осуществлять в своей деятельности справедливость и разоблачать злоупотребления. Таких членов общества, которые состояли на службе, называли «блюстителями справедливости». А. Н. Бестужев впоследствии отмечал, что К. Ф. Рылеев был первым, кто поставил вопрос о служении обществу именно в судопроизводстве, которое нуждалось в реформировании более всех отраслей государственной деятельности.

Много лет спустя, оценивая деятельность своих современников, декабрист Д. И. Завалишин писал: «Известно, что некоторые члены общества пожертвовали личными интересами и удовольствиями столичной жизни, пожертвовали блестящею службою в гвардии и в министерстве иностранных дел, что считалось тогда единственно приличною службою для высшего сословия, и пошли на такие должности, которые были тогда в дурной славе; пошли именно для того, чтобы личными достоинствами и действиями в ином духе исправить и возвысить их»¹. К. Ф. Рылеев, И. И. Пущин, В. Ф. Раевский оставляют военную карьеру и поступают на службу, осуществляя свои представления о служении отечеству и общему благу. Объясняя впоследствии поступок К. Ф. Рылеева, декабрист Е. П. Оболенский писал, что он «оставил военную службу и променял мундир конногвардейской артиллерии на скромную службу в Уголовной палате, надеясь на этом поприще оказать существенную пользу и своим примером побудить и других принять на себя обязанности, от которых дворянство устранилось, предпочитая блестящие эполеты той пользе, которую они могли бы принести, внося

¹ Завалишин Д. И. Записки декабриста. СПб., 1906. С. 162.

в низшие судебные инстанции тот благородный образ мыслей, те чистые побуждения, которые украшают человека и в частной жизни, и на общественном поприще, составляют надежную опору всех слабых и беззащитных, которые всегда и везде составляют большинство и коих страдания и нужды едва слышны меньшинству богатых и сильных»¹.

Основными этическими принципами, определяющими деятельность декабристов, являлись, прежде всего, принцип патриотизма, понимаемый как служение отечеству, принцип справедливости, базирующийся на просветительской концепции человека, и личной ответственности. Служение общественному благу воспринималось как обязанность, долг каждого члена тайного общества, каждого истинного гражданина. Требования сословной чести, верности однозначно определяли обязанности человека в строго иерархизированной моральной структуре, где долг понимался прежде всего как военная служба и обязанность. Следует сразу же заметить, что именно декабристское поколение личным примером утверждает необходимость гражданского служения отечеству и вносит особый нравственный смысл в отношении к государственной службе. В стремлении служить своему народу на любом поприще, заслужить уважение своих соотечественников гражданскими добродетелями выделялись декабристам основания истинной чести.

Смысл жизни виделся им в процессе созидания самих себя как нравственных личностей, служении законам справедливости и добра. В моральном сознании и в нравственной деятельности декабристы стремились соединить воедино должное и сущее, идеал и реальность, выстроить свое поведение в соответствии с идеальными моделями, должными принципами. Безусловно, в этом обнаруживается некоторая утопичность морального сознания. Выделяя утопический компонент, можно охарактеризовать их этическую мысль как этику абстрактной идеи, абстрактной схемы, в которой человек является, прежде всего, носителем определенных ценностей-добродетелей, а поведение выстраивается в соответствии с мотивом долженствования как служения. Однако именно в этом моральном утопизме декабристов обнаруживается значительный эвристический потенциал, который позволяет проследить, исследовать процесс, столь трудно поддающийся описанию, выявлению,

¹ Оболенский Е. П. Воспоминания о Рылееве// Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1980. Т. 2. С. 99. В Петербургской уголовной палате К. Ф. Рылеев служил вместе с И. И. Пущиным.

а именно — процесс морального творчества, созидания новых норм, ценностей и идеалов, нравственных новаций. Нравственный разум, не приводящий к нравственному поступку, может обернуться своей противоположностью, вот почему так важно рассмотреть в единстве процесс формирования сознания (основных ценностей, этических норм, принципов и категорий) и поведения. Нравственные ценности декабристского поколения, подтвержденные их жизнью, являлись своего рода моральной планкой в нравственной культуре России. Ведь именно декабристы впервые определили идеалы и ценности служения как важнейшего фактора совершенствования социальных отношений.

Концепт служения демонстрирует большую сложность системы нравственной саморегуляции. Он развивается и наполняется новым содержанием в нравственной культуре России на каждом новом этапе ее развития. Концептуальное поле данного понятия шире предложенного в статье ракурса рассмотрения. Реалии современной нравственной жизни страны требуют дальнейшего осмысления сочетания традиционного и новационного в нравственной саморегуляции.

Профессиональное сообщество и современная социальная онтология*

Положенцев А. М.

Основная задача, которая ставится в данной работе, состоит в том, чтобы дать удовлетворительную онтологию некоторых современных социальных феноменов, таких как всевозможные коллективные субъекты, одним из типов которых является и профессиональное сообщество. Данные феномены не случайно рассматриваются нами как субъекты, поскольку именно это их онтологическое свойство является главным в вопросах прикладной этики в тех случаях, когда мы вынуждены говорить о природе социальной ответственности, общественной морали и, шире, о социальной реальности, определяемой (а может быть — творимой?) данного типа субъекта-

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (Проект № 12-03-00505).